

явление новых норм в оценке сказочных событий; ироническое отношение к царям, колебание — делать ли героем сказки царевича и т. д.

К сожалению, в сборнике даны очень скудные сведения о сказочниках: лишь о тринадцати из них сказано по несколько слов; что же касается остальных, то приведены только их фамилии, имена и отчества, возраст. Следует отметить наличие среди лиц, от которых проводилась запись, сравнительно большого числа детей — двадцать пять сказочников моложе 16 лет. Это свидетельствует о живучести сказочной традиции и вместе с тем, несомненно, во многом определяет характер текста.

Несмотря на то, что сборник увидел свет в менее полном составе, чем был в свое время задуман, все же исследователи поздних судеб традиционной русской сказки получили интересный, достоверный материал, мастерски записанный исключительно внимательным наблюдателем народного быта и творчества. Выход в свет безупречно подготовленной В. Я. Проппом книги «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» — выдающееся явление в жизни современной мировой фольклористики. Книга эта — лучший памятник страстному собирателю и неутомимому исследователю севернорусской сказки, выдающемуся советскому фольклористу А. И. Никифорову.

Э. Померанцева

Н. П. Колпакова. *Русская народная бытовая песня*. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1962, 283 стр.

Русская народная песня на протяжении двух столетий привлекала внимание многих собирателей и исследователей. Изучалось содержание песен, их поэтика, и в этой области создан ряд интересных и ценных работ. Однако до сих пор нет исследований, где песня рассматривалась бы во всем ее многообразии и при этом определялась бы специфика каждого из ее видов.

Автор рецензируемой монографии поставил перед собой большую и сложную задачу — проанализировать разнообразный песенный материал и дать его классификацию в соответствии с четко установленными признаками. Всего использовано около 30 тысяч текстов — песенные сборники XVIII—XX вв., тексты, опубликованные в периодических изданиях, рукописные фонды Всесоюзного географического общества и Института русской литературы АН СССР, где хранится и ценная рукописная коллекция (3500 текстов) — плод многолетней собирательской работы самого исследователя. Устанавливая специфические черты народной русской песни, автор привлекает сравнительный материал украинского и белорусского фольклора.

В первой главе (стр. 11—30) автор критически пересматривает имеющиеся типы классификации песен (стр. 12—34) и устанавливает новый принцип деления на основе «устойчивых и непреходящих признаков жанра как эстетической категории». Каждый песенный жанр рассматривается как «исторически сложившийся тип художественной формы, обусловленной определенной общественной функцией данного вида искусств и соответствующим характером содержания» (стр. 25).

Исследователь выводит группы песен из этнографических комплексов (календарных, свадебных и др.), создавая другие, «искусствоведческие» (стр. 26). В соответствии с этим в бытовой песне выделяются четыре жанра: 1) заклинательные (куда включаются песни аграрно-календарные, некоторые свадебные, некоторые подблюдные), 2) игровые, 3) величальные, 4) лирические.

Главы 2—5 посвящены рассмотрению функций, тем, поэтических (композиционных, стилистических) и некоторых музыкальных особенностей каждого из указанных жанров.

Особенно значительной в теоретическом отношении, богатой по материалу и новаторской по его осмыслению является обширная (стр. 112—247) глава о лирических песнях, распадающаяся на четыре самостоятельных раздела. В ней рассматриваются «частые» и «протяжные» песни как особые подразделения жанра лирической песни. Протяжным уделено главное внимание. Вполне основательно автор делит их на песни «типа повествований» (стр. 145—175) и «типа раздумий» (стр. 175—182), отмечая своеобразие содержания, построения, стилистических особенностей каждого вида. Большой интерес представляет установление круга мотивов повествовательных песен, изучение сцепления образов, способов создания вариантов и контаминации сюжетов.

Очень свежи наблюдения над поэтикой лирической песни (IV раздел пятой главы, стр. 182—246). На большом материале автор показывает здесь роль пейзажа, отдельных образов природы и приемы их введения в песню, говорит о бытовых зарисовках, портрете и их художественной роли.

Тщательно разработан Н. П. Колпаковой вопрос о песенной символике. Плодотворность изучения песенной символики обусловлена новизной исходного положения,

принятого Н. П. Колпаковой. Она утверждает, что вся система русской народной песенной символики определяется «функциональным значением» образов-символов в песне (стр. 205). Каждый символ поэтому должен быть рассмотрен в тесной связи с содержанием данной песни. В соответствии с этим принципом находится предложенная автором классификация символов не по предметам, используемым в качестве символа (как это делали, например, Н. И. Костомаров и другие исследователи — см. стр. 203—204), а по тем явлениям, которые с помощью символов выражаются.

В работе последовательно рассматриваются разнообразные символы, служащие для выражения одного и того же понятия (радость, горе и т. д.). В заключение автор приходит к выводу, что «символическое значение определяется не темами песенных групп, а их эмоциональным содержанием» (стр. 233).

В третьей главе работы дается ценный обзор источников игровой песни, рассматривается сюжетный материал игровых и хороводных песен, предлагается их тематическая классификация, рассматриваются образы. В четвертой главе изучаются поэтические особенности величальных песен.

Значение рецензируемой книги заключается не только в том, что автор тщательно изучил поэтику «бытовой песни» и установил жанровую классификацию, но и в постановке им попутно ряда вопросов, связанных с историей жанра.

Классифицируя песню, автор высказывает предположение о последовательности возникновения отдельных ее видов (заклинательной и величальной, плясовой, лирической повествовательной и песен-раздумий), а также о последовательности возникновения используемых в песне поэтических средств и образов.

Об исторических судьбах народных бытовых песен в XIX—XX вв. говорится в заключительной, пятой главе (стр. 277—279), где прослеживается изменение текста песен в старых и новых записях. Выводы этой главы вполне убедительны, они основаны на длительных наблюдениях самого исследователя над жизнью песни и на большом текстовом материале. Однако естественно, что при той широте охвата материала, к которой стремился автор, невозможно было дать одинаково полный анализ всех видов песен. Сосредоточив внимание на лирической песне, рассмотренной всесторонне и глубоко, в единстве содержания и формы, с учетом ее роли в быту, автор при рассмотрении других видов песни (в первых главах исследования) не всегда достигает столь четких и убедительных выводов.

Некоторые утверждения об исторической последовательности жанров и образов, высказанные автором в других главах работы, звучат декларативно, не подкреплены в достаточной мере материалом. Это относится главным образом к тем видам песни, которые были связаны в прошлом с обрядами (заклинательные, величальные, некоторые игровые и плясовые), а также к суждениям о большей или меньшей древности песен «повествовательных» и «раздумий», о одновременности появления образов и поэтических приемов песни.

Наименее освещенным остается вопрос об историческом соотношении заклиательной, игровой и величальной, а отчасти и плясовой песни. Автор подходит к их изучению с искусствоведческим критерием, выделяя каждый из первых трех названных видов в самостоятельный жанр, в соответствии с особенностями его содержания и формы.

Принцип функциональный, под которым исследователь подразумевает бытовое значение песни (календарной, свадебной и пр.), отходит при этом на второй план, при классификации не учитывается, вопреки справедливому утверждению в первой главе (где он подчеркивался как обязательный при классификации). Между тем изучение и классификация этих именно видов песен исходя только из критерия искусствоведческого (без учета генезиса их) представляются односторонними.

В самом деле, исследователь обращает внимание главным образом на форму песен (закливание, величание, игра). Одни из них построены как обращение к природе или антропоморфному существу, ее олицетворяющему, призывают непосредственно желаемое явление, другие (величальные) рисуют идеальные образы хозяина, его жилища и т. д., но с той же целью вызвать желаемое; в некоторой части игровых желаемое воспроизводится в действии. Следовательно, если к этому материалу подойти с историко-этнографическим критерием (не исключающим, конечно, критерия искусствоведческого), заметно будет сходство этих видов, а не только их различие. И тогда, вероятно, заклиательная и величальная песни предстанут генетически не как самостоятельные жанры, а как разновидности единого обрядового цикла песен, противостоящего лирическому, разновидности, обладающие своеобразием содержания и поэтики и имеющие в процессе дальнейшего своего развития разные судьбы. Это тем более вероятно, что и в поэтике, и в музыкальном строе, как бегло замечает сам автор (стр. 61, 85, 112), наблюдаются черты сходства между заклиательными и величальными песнями.

В то же время представляется сомнительной возможность объединения под общим названием песен собственно заклиательных и подблюдных, ибо назначение заклинания и гадания все же различно. Нечетко выражена мысль о плясовых песнях, когда они рассматриваются автором в историческом плане. На стр. 118 говорится о распростра-

ненности в древней Руси песен, близких по типу к традиционным частым веселым (а может быть и сатирическим), записанным в XVIII—XX столетиях. Однако едва ли на древних игрищах исполнялись песни «развлекательного» характера, скорее всего такие пляски и песни также первоначально выполняли заклиательную функцию. Вопрос о генетической связи плясовых песен с обрядовыми в работе не поставлен, упоминается только сходство их структуры.

Можно сделать автору упрек в неточности некоторых употребляемых терминов. Так, на стр. 148 не дано четкого понимания сюжета песни, в некоторых случаях сюжет подменяется содержанием; на стр. 236 все приведенные образы песен именуются «метафорами», между тем как они принадлежат к сравнениям: «сободем все места прошла» и др. Едва ли следует выделять понятие «короткая метафора типа эпитета» (стр. 237, 238), может быть лучше говорить просто об эпитете.

Вообще же исследование Н. П. Колпаковой о русской народной бытовой песне, где достигнуты интересные выводы относительно классификации и поэтических особенностей различных видов лирических и других песен, намечены пути их дальнейшего исторического изучения, сравнительного исследования поэтики, выяснения специфики песни русской и других славянских народов, представляет ценный вклад в изучение песни. Можно надеяться, что, отправляясь от того, что уже установлено в рецензируемой книге, дальнейшие исследователи песни пойдут по пути ее исторического и сравнительного изучения.

И. Колесницкая

СОБРАНИЕ ПЕСЕН БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Michał Federowski. Lud białoruski. Materiały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1905; т. V. Pieśni, Warszawa, 1958; т. VI, Warszawa, 1960.

Среди дореволюционных исследователей белорусского народного устного поэтического творчества одно из первых мест принадлежит польскому этнографу и фольклористу Михалу Федеровскому (1853—1923 гг.). Более четверти века посвятил он изучению фольклора западных областей Белоруссии. Результатом этого явилось издание в 1897, 1902, 1903 гг. первых трех томов его фундаментального труда «Lud białoruski» («Белорусский народ»), которые включали 3816 записей сказок, преданий, легенд, анекдотов, поверий. В 1935 г., уже после смерти Федеровского, вышел в свет IV том, содержащий свыше 13 000 пословиц, поговорок, фразеологизмов и т. п. Однако и это издание далеко не исчерпало всех материалов, собранных Федеровским. В архивах последнего хранилось еще около 200 000 различных фольклорных и этнографических записей.

Незавершенность труда «Lud białoruski» особенно ощущалась в связи с отсутствием публикаций песенного творчества — одного из самых ярких и оригинальных проявлений духовной жизни белорусского народа. Учитывая это, польские ученые во главе с А. Обрембской-Яблонской подготовили и издали в 1958 и 1960 гг. V и VI тома работы Федеровского, посвященные исключительно народному песенному творчеству. О масштабах и ценности этой работы говорит уже то, что в обоих томах помимо 4171 записи текстов песен приводится около 1500 музыкальных записей — явление редкое в белорусской фольклористике.

Публикуемые материалы имеют более чем полувековую давность и отражают определенный исторический уровень развития фольклористики. Работа Федеровского представляет собой пример глубокого исследования развития белорусского устного поэтического творчества. О том, насколько верно подметил он наиболее характерные явления в белорусском фольклоре второй половины XIX в., красноречиво говорят его замечания об изменениях, происходивших в жанровом составе рассматриваемых им произведений. Подчеркивая обилие фантастических, волшебных сюжетов, Федеровский в то же время чувствовал несоответствие между подобными произведениями и изменяющимся мировоззрением народа, считал это творчество уходящим из народного репертуара, что и подтвердилось последующим развитием белорусского фольклора. «В результате четвертьвековых исследований, — пишет Федеровский, — я пришел к убеждению, что местное население с гораздо большим интересом относится к творчеству реальному, тогда как произведения абстрактные постепенно исчезают, либо с течением времени теряются под влиянием цивилизации; морально-бытовые (особенно сатирические) очень распространяются и даже умножаются»¹.

¹ M. Federowski, Lud białoruski na Rusi Litewskiej, т. II, Kraków, 1902, стр. XI.